

УДК 94(430)

UDC 94(430)

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА: В ПОИСКАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

WEIMAR REPUBLIC: IN SEARCH OF FOREIGN-POLICY IDENTITY

О. Г. Субботин,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка*

O. Subbotin,
*Doctor of History,
Professor of the Department
of General History and Methods
of Teaching History, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 15.04.21.

Received on 15.04.21.

Проанализированы исходные рубежи, концептуальные основы и методы немецкой внешней политики периода Веймарской республики, выявлены характерные черты и особенности каждого из ее этапов, степень соотношения в ней континуитета и дисконтинуитета. Автор размышляет о перспективах Германии на международной арене в контексте проигранной войны и версальских ограничений с учетом исторических традиций, геополитических факторов и внутривнутриполитических процессов. Мультилатеральная договорная политика Г. Штресемана трактуется как модифицированный (адаптированный к условиям послевоенного мира) вариант «реальной политики» конца XIX в. Особо подчеркивается ее инструментальный характер в деле ревизии Версальского договора.

Ключевые слова: Веймарская республика, Версальский договор, внешняя политика, мультилатерализм, реальная политика, политика взаимопонимания, Г. Штресеман, ревизионизм.

The article analyzes the original borders, conceptual bases and methods of German foreign policy in the period of Weimar Republic, reveals the characteristic features and peculiarities of each stage, the degree of correlation of continuity and discontinuity. The author reflects on perspectives of Germany on the international arena in the context of the lost war and Versailles restrictions with the account of historical traditions, geopolitical factors and domestic political processes. Multilateral contractual policy of G. Stresemann is interpreted as a modified (adapted to the conditions of post-war world) variant of "real policy" of the end of the 19th century. Special attention is given to its instrumental character in the affair of revision of Versailles contract.

Keywords: Weimar Republic, Versailles contract, foreign policy, multilateralism, real policy, policy of mutual understanding, G. Stresemann, revisionism.

Концептуальный взгляд на внешнюю политику обуславливает знание исторического контекста. Анализируя его, мы невольно акцентируем внимание на двух ключевых моментах – акторах международных отношений и их действиях, учитываем рамочные условия, внутренние и внешние вызовы. Исходя из этой посылки, тезис о Веймарской республике как о «скованном Версале» государстве, долгое время распространенный в историографии, представляется идеологическим клише, спорным и с точки зрения фактов, которыми располагает исследователь, и с позиций методологии современной исторической науки. Очевидно, что Версальский договор тяжким бременем лег на плечи молодой немецкой демократии, но в то же время стал ее «ипо-

текой на будущее» [1, С. 9]. После Первой мировой войны страна получила возможности, которыми не располагала до 1914 г., и, несмотря на утрату великодержавного статуса, все еще обладала весомым влиянием на европейскую политику, способностью нарушить «хрупкое равновесие сил» на континенте [2, С. 600; 3, С. 1038]. В этом и заключалась «германская дилемма», по меткому выражению К. Хильдебранда [3, С. 1035].

Представленная статья продолжает цикл работ автора, посвященных истории немецкой внешней политики [4; 5]. На этот раз внимание сфокусировано на эпохе Веймарской республики. Автор обращается к полемическому научному дискурсу в рамках заданной темы, рефлектирует место и роль Гер-

мании в системе международных отношений 1920-х гг., размышляет о перспективах страны на мировой арене в условиях версальских ограничений. При подготовке статьи использованы архивные документы, речи министра иностранных дел Г. Штретземана, а также труды видных исследователей Г.-К. Крауса, П. Крюгера, Э. Кольба, М. О. Макселона, Х. Меллера К. Хильдебранда и др., положения и выводы которых обладают, на наш взгляд, высокой степенью релевантности [3; 6–10].

На протяжении всей своей истории Веймарская Германия находилась в поиске (новой) внешнеполитической идентичности, то и дело апеллируя к «духовно-историческому наследию» прусско-германской государственной идеи. «Охваченная модернизационным кризисом, отягощенная насыщенным прошлым и новыми вызовами», республика настойчиво пыталась вернуться в круг великих держав, не желая делать выбор между Востоком и Западом¹ [3, S. 1038]. В известном смысле жажда ревизии, замешанная на чувстве «национальной гордости»², консолидировала немецкое общество и сглаживала внутреннее напряжение тех лет. И население, и политики, пишет Х. Меллер, «схожим образом воспринимали договор как бесстыдный диктат... Его пересмотр являлся приоритетом для всех веймарских партий» [10, с. 114, 117]. Вопрос состоял лишь в том, на какой путь избавления от «оков Версаля»³ – мирный или конфронтационный – и как скоро вступит страна.

Несмотря на изменение рамочных условий международных отношений, Берлин продолжал использовать апробированные с конца XIX в. стратегии и методы ведения

внешней политики, отдавая предпочтение унилатеральным приемам в ущерб мультилатерализму⁴. Потенциально конфликтная ситуация в Европе, возникшая вследствие крупных геополитических сдвигов, открыла перед немецкой дипломатией перспективы, прежде ей недоступные⁵. И то, что она ими не воспользовалась сполна, «пребывая в состоянии бескрайней вражды и нетерпения к версальскому порядку», известный ученый и общественный деятель Г. Риттер расценивал как «самое большое несчастье и фатальную ошибку в новейшей истории» Германии [8, S. 35]. Сотканная из противоречий, ее внешняя политика сочетала в себе современные и реакционные черты. Вопреки ожиданиям Берлин так и не принял новых либерально-демократических ценностей стран Запада, а те, в свою очередь, не оказали поддержки национальным элитам, ориентированным на интеграцию государства в поствоенный европейский порядок, делая ставку на принудительный мир [13, p. 752]. По сути, ни одно немецкое правительство, начиная с Совета народных уполномоченных и заканчивая президиальными кабинетами, не упускало из виду «великогерманское решение»⁶. Таким образом, уже на стадии формирования своей внешнеполитической доктрины Веймарская республика оказалась заложником иллюзорной политики «свободных рук в условиях интернационализации международных связей», символом которой резонно считать «рапалльский курс»⁷ [7, S. 176].

В отличие от Великобритании и Франции, отношения Германии с США и Советской Россией/СССР выходили за рамки версальских договоренностей, отличались известной свободой выбора. Наглядный пример

¹ Политика баланса сил, или «третьего пути».

² Следует оговориться, что важную роль в самосознании немцев играла в те годы региональная идентичность.

³ На Германию налагался широкий спектр ограничений. Подробнее см. Павлов [11, с. 77, 78]. Вопрос о виновности в развязывании войны сразу же стал темой общественно-политических дебатов в стране. И национал-консерваторы, и НСДАП активно использовали в своей пропаганде антисемитскую теорию заговора (легенда об «ударе кинжалом в спину»). По существу, ни в науке, ни в публицистике, ни в политике Веймарской республике не было критического анализа причин и предпосылок Первой мировой войны. Доминировал тезис о нападении на Германию Антанты и взятии ее во вражеское кольцо, сформулированный представителями Верховного Главнокомандования в 1914 г. Современный историк Г. Хиршфельд считает табуирование темы «об ответственности» в 1920-е гг. фатальным для развития республики. См. Hirschfeld [12].

⁴ Реформы в МИД после Ноябрьской революции носили главным образом «организационно-технический характер». См. Павлов [11, с. 75].

⁵ Советское государство было «вытеснено» из Центральной Европы и надолго сосредоточилось на решении внутренних проблем. Франция вышла из войны существенно ослабленной, а США придерживались политики неоиоляционизма. Наконец, Германии выпала возможность усилить свое влияние в Дунайском регионе, на Балканах и в Восточной Европе.

⁶ «Великогерманское решение» (нем. Großdeutsche Lösung) как модель решения «германского вопроса» впервые дискутировалось в стенах Франкфуртского национального собрания (1848). В годы Веймарской республики идея объединения с Австрией не утратила своей актуальности.

⁷ В историографии «политика Рапалло» трактуется неоднозначно. До сих пор не утихают споры, кто извлек из нее больше выгод.

тому – договоры 1921–1922 гг.¹, позволившие рейху преодолеть международную изоляцию, отчасти нивелировать экономическое и политическое давление Антанты, обходить военные ограничения². В определенной степени этому содействовала активизация Германии в Дунайском регионе и на Балканах, где у Берлина появились партнеры и потенциальные «союзники» в лице Венгрии, Болгарии и Австрии, обеспокоенные укреплением связей Парижа с Варшавой и Прагой [6, S. 413, 414].

В целом, действия Веймарской республики на мировой арене в первые послевоенные годы не давали ясного представления о ее внешнеполитической доктрине. С уверенностью можно констатировать лишь то, что с момента принятия Лондонского ультиматума (1921)³ рейх, не имея ресурсов для ревизии, последовательно вел борьбу против «политики исполнения»⁴ как символа чуждой немецкому духу либеральной демократии. Своего апогея она достигла в 1923 г., когда Берлин ответил «пассивным сопротивлением»⁵ на оккупацию Рурской области 100-тысячным франко-бельгийским контингентом и тем самым до предела обострил финансовую и политическую ситуацию в стране, спровоцировал подъем сепаратизма (Рейнланд, Пфальц) и рост партикуляристских настроений в землях⁶. Охваченная гиперинфляцией и революционными выступлениями («Красный Октябрь», «Пивной путч»), Германия погрузилась в экзистенциальный кризис, для выхода из которого вынуждена была «принять Вер-

саль как данность и сменить конфронтацию на дипломатию»⁷, «повторно капитулировал» перед Антантой [15, S. 4; 16, S. 28; 17, S. 30, 31].

Политика взаимопонимания (нем. *Verständigungspolitik*)⁸, архитектором и убежденным проводником которой с 1923 по 1929 г. являлся глава МИД страны Густав Штресеман⁹, ориентировалась на известный с XIX в. «концерт» европейских великих держав как альтернативу версальскому порядку. В отличие от своих предшественников новый министр мыслил категориями мультилатеральных отношений и трезво оценивал расстановку сил на континенте. «В своей жизни я пришел к выводу: без компромисса, то есть без примирения, еще никогда не удалось добиться в мире чего-то великого, основанного на постоянстве», – резюмировал Штресеман [19, S. 457]. Он не воспринимал Францию равнозначным Германии экономическим конкурентом¹⁰, однако отдавал себе отчет в том, что без удовлетворения требований Парижа в сфере национальной безопасности рейх не сможет полноценно вернуться на мировую арену¹¹ [20, S. 260; 21, S. 277]. Столь же важной предпосылкой национального возрождения Штресеман считал индустриальный потенциал страны¹², делая ставку на кооперацию с Соединенными Штатами – финансовым донором и приоритетным торговым партнером.

На этом фоне ослабло дестабилизирующее Германию противоречие между ее внутренней и внешней парадигмами¹³. Интернационализация международных связей, налаживание экономического взаимодей-

¹ Речь идет о следующих международно-правовых актах: Берлинский договор, или американо-германский мирный договор (25.08.1921); Договор о дружбе, торговле и консульских отношениях между Германией и США (08.12.1923); Рапалльский договор между Германией и РСФСР (16.04.1922).

² Путем военного и военно-технического сотрудничества с СССР.

³ Под угрозой оккупации Рурской области победители потребовали от Германии принять предложения репарационной комиссии (т. н. план погашения), а также выполнить условия Версальского договора в части разоружения и выдачи военных преступников.

⁴ Нем. *Erfüllungspolitik*. Речь идет о внешнеполитической стратегии, которой придерживалась Веймарская республика с момента принятия Лондонского ультиматума (1921) и до оккупации Рура (1923). Она заключалась в максимально точном выполнении репарационных обязательств, призванном продемонстрировать международным экспертам разруху национальной экономики и неплатежеспособность страны. См. документы Федерального архива Германии [14].

⁵ Правительство призвало население оккупированных областей к актам гражданского неповиновения и забастовкам, имевшим весьма негативные последствия для немецкой экономики и финансов.

⁶ Подробнее см. Субботин [18].

⁷ Благоприятным фоном для этого стали два фактора: 1) вступление стран Запада в фазу относительной стабилизации; 2) приход к власти левых правительств в Великобритании и Франции.

⁸ Данная политика явилась результатом синтеза политического компромисса и экономических возможностей Германии.

⁹ Густав Штресеман возглавлял внешнеполитическое ведомство с ноября 1923 по октябрь 1929 г.

¹⁰ Он полагал, что основная борьба за рынки развернется между Германией, Великобританией и США.

¹¹ Налаживание отношений между Францией и Германией министр рассматривал как ключевой фактор налаживания взаимопонимания и примирения в Европе.

¹² Признавая примат политики, Штресеман отводил экономике (особенно промышленному сектору) роль ее «стимулятора» [22, S. 246].

¹³ Внутренняя парадигма ориентировалась на парламентскую платформу стран Запада, а внешняя фокусировалась на национально-политической ревизии и, следовательно, была нацелена против Великобритании и Франции как гарантов чуждой рейху системы международных отношений и навязанной системы ценностей. См. Hildebrand [3, S. 1040].

ствия со странами Европы, публичное признание общепринятых стандартов во внешней политике и добровольное принятие на себя международно-правовых обязательств, включая отказ от силового варианта ревизии Версаля (арбитражные договоры 1925 г., пакт Бриана-Келлога 1927 г.), стали определяющими методами политики МИД во второй половине 1920-х гг. С их помощью страна достигла примирения с бывшими противниками и помешала созданию нового (враждебного ей) франко-германского альянса, сохранив вместе с тем восточный вектор (Берлинский договор 1926 г.), что открывало дополнительные возможности для маневрирования: позволяло, во-первых, иметь союзника на случай ревизии немецко-польской границы и, во-вторых, удерживать Москву от тесного взаимодействия с Парижем [3, S. 465; 23, S. 19].

С ратификацией «плана Дауэса» (1924)¹ и подписанием Локарнских договоров (1925)² в отношениях Германии со странами Запада наступила разрядка, а ее вхождение в Лигу Наций (1926) на правах постоянного члена и вовсе означало формальное равенство с победителями впервые с 1919 г.³ Рейх, выразив словами историков Х. Меллера и Э. Кольба, «вернул себе заметную часть внешнеполитического пространства» и, наконец, «преодолел послевоенную моральную и политическую изоляцию» [10, с. 142; 8, S. 67]. В обиход вошли такие слова, как сотрудничество и согласие. Из уст Штреземана звучала примиренческая риторика. Французский премьер Э. Эррио открыто дистанцировался от стиля правления Р. Пуанкаре, а глава британского правительства Р. Макдональд взял курс на стабилизацию отношений в Европе. И все же говорить о подлинном партнерстве с победителями не приходится, учитывая дифференции в понимании

духа Локарно Парижем, Лондоном и Берлином. Франция категорически не желала мириться с перспективой возрождения Германской империи. Речь шла «о конфликте целей и интересов», разрешить который двум народам удалось лишь после Второй мировой войны [6, S. 411; 13, S. 757]. В свою очередь британцы, поддерживая стратегические отношения с французами, не скрывали заинтересованности в экономически здоровой и политически стабильной Германии, которой отводили роль торгового партнера, добросовестного плательщика репараций⁴, кордона на пути распространения восточного большевизма (по крайней мере, в начальной фазе), а также функцию несущего элемента в рамках системы континентального баланса сил.

В контексте вышесказанного историк Петер Крюгер задается риторическим вопросом о перспективах отношений Веймарской республики со странами Запада в случае отказа ей в праве на ревизию [7, S. 462, 522]. Ответ на него очевиден, если принять во внимание тот факт, что любые уступки в адрес Берлина Париж интерпретировал сквозь призму концепции национальной безопасности. Насколько такое поведение было оправданным, можно спорить. Во всяком случае ни историческая память (читай: вражда), ни политические настроения в немецком и французском обществах не давали весомого повода для оптимизма ни одной из сторон. Ни Штреземан, ни его соратники не рассматривали интеграцию как альтернативу ревизии, в понятие которой вкладывали наряду с решением вопросов о сокращении (в т. ч. отмене) репараций, выводе оккупационных войск из демилитаризованной зоны, равенстве в вооружениях, возврате Саара и Данцига, «урегулирование»⁵ проблемы 10–12 млн этнических немцев, проживавших в сопредельных государствах, пересмотр восточной границы и отношений с Австрией (вплоть до аншлюса)⁶.

В фазе относительной стабилизации Германия позиционировала себя интегральной частью Версальско-Вашингтонской системы, пытаясь синхронизировать национальные интересы с европейскими. Иными сло-

¹ «План Дауэса» стал первым опытом урегулирования репарационного вопроса, результат которого Германия приняла добровольно. Штреземан считал его экономическим военным перемирием. Основное значение плана было, разумеется, политическим, символизировало собой завершение эры послевоенного диктата и переход к конструктивному диалогу со странами Запада.

² В ходе конференции в швейцарском городе Локарно (5/16.10.1925) были подписаны 7 документов, в том числе: Рейнский гарантийный пакт; арбитражные договоры с Польшей и Чехословакией. Локарнские договоренности, по мнению Штреземана, разрушили единство Антанты, предоставили гарантию безопасности Рейнланда и исключили перспективу новой международной изоляции Германии.

³ В том же 1926 г. начался вывод войск союзников из Рейнской демилитаризованной зоны.

⁴ В этом, разумеется, была заинтересована и Франция, экономика которой, существенно ослабленная войной, нуждалась, со слов Штреземана, «в добрососедских отношениях с Германией» [24, S. 422].

⁵ Следует понимать как защиту интересов этнических немцев.

⁶ В будущем Германия рассчитывала вернуть утраченные колонии.

вами, Штреземан жаждал реализовать немецкие цели с помощью Европы, а не в противовес ей, этаблировать национальное государство как великую державу, границы которой простирались бы за пределы установленных в 1919 г. [16, S. 28; 3, S. 1041]. С разной долей интенсивности и успеха он продвигал возможности немецкой индустрии, конструктивно взаимодействовал со странами Запада. Усилилась экономическая экспансия Берлина в государства Центральной и Юго-Восточной Европы. Дальнейшее развитие получила «политика Рапалло». Примечательно и закономерно, однако, что постлокарнский формат отношений с Францией и Бельгией не распространялся на Польшу, к которой у Германии имелись серьезные территориальные претензии¹. После 1925 г. границы рейха на востоке и на западе оказались «неравноценными» с точки зрения международного права [26, S. 70, 125; 27, S. 454]. В этом смысле третейские договоры с Польской республикой и Чехословакией обладали номинальной силой; ни Лондон, ни Париж не выступали их гарантами². Как следствие, идею «Восточного пакта» постигла неудача.

Очевидно, что политика взаимопонимания (во всех ее проявлениях) носила «инструментальный характер», вписывалась в общую канву «германского вопроса»³. Отмену версальских ограничений Штреземан считал не конечной, а промежуточной (стабилизирующей) целью. Дистанцироваться от националистических взглядов он не мог в силу личных убеждений, политической ситуации в стране и присущего обществу традиционализма имперского мышления⁴. Эти же факторы обусловили неоднозначное отношение МИД Германии к панъевропейско-

му проекту⁵ с его идеей создания наднациональных структур и признания послевоенных границ.

Как приверженца «реальной политики» (нем. Realpolitik) Штреземана волновали сугубо практические цели, а не иллюзия немецко-французской дружбы [9, S. 149; 28, S. 319]. В сущности, он был не менее «хорошим европейцем», нежели его коллеги по цеху, и как немец считал своим долгом ответить на запросы нации – добиться полного суверенитета страны, что «имело мало общего с доброй волей других государств и требовало ответных решительных шагов» [27, S. 448]. Примирение с западным соседом (Францией) стало своеобразным «арканом» его политической стратегии, подготовительным этапом к пересмотру статуса восточной границы [8, S. 67; 3, S. 460; 29, S. 19]. Штреземан умело использовал франко-британские противоречия, проявляя изрядное терпение и великолепное чувство момента. Эти же качества позволяли ему координировать усилия между гражданским и военным руководством Германии на ниве внешней политики. Поэтому вполне обоснована оценка историка К. Грютцмахера, который отмечает у министра способность выработать «реально-политический подход» как квинтэссенцию экономических интересов и принципа *do ut des*⁶ [17, S. 34].

Результатом тесного взаимодействия с Парижем во второй половине 1920-х гг. явилась высокая степень автономии Берлина на международной арене, а также частичная ревизия условий Версаля: страна избавилась от военного надзора союзников (1927) и добилась вывода оккупационных войск из Рейнской демилитаризованной зоны (1930); в силу вступил репарационный «план Юнга» (1929), положивший конец международному контролю над выплатами⁷; началось экономическое сближение Германии и Франции: в 1926 г. страны заключили Калийное соглашение, приняли совместно с британцами и швейцарцами участие в создании европейского Алюминиевого картеля, сформировали Международную ассоциацию

¹ Ни один немец «не готов был признать границу на востоке, установленную с грубым нарушением права народов на самоопределение, как свершившийся факт» [25, S. 199]. Речь шла о ревизии немецко-польской границы, включая возврат Польского коридора, реализовать которую Штреземан намеревался посредством экономических рычагов. Германия рассчитывала на области с преобладанием немецкого населения.

² Рейнский пакт, по словам министра, «сломав зубы польско-французскому союзу». Цит. по Graig [27, S. 454]. И Чехословакия, и Польша, подписавшие двусторонние гарантийные договоры с Францией, могли рассчитывать на военную помощь лишь в случае явной немецкой агрессии.

³ Под «германским вопросом» (нем. Deutsche Frage) в данном случае мы понимаем совокупность проблем, относящихся к (политической) организации немецких территорий и их границам.

⁴ Концептуальный взгляд Штреземана на внешнюю политику Германии от его непримиримых оппонентов из правого лагеря отличала не постановка цели, а методы ее достижения. См. Kolb [8, S. 63].

⁵ Идею «Панъевропы» Штреземан в целом поддерживал.

⁶ Латинское выражение (принцип римского права) *do ut des* переводится как «ты мне – я тебе», «услуга за услугу», «даю, чтобы ты дал». «Разумеется, принцип *do ut des* – это здоровая и реальная основа политического взаимодействия, которое лишь тогда обречено на успех, когда старается учесть интересы обеих сторон», – отмечал Штреземан [30, S. 382].

⁷ Фактически перестал действовать в июне 1931 г., со вступлением в силу моратория Гувера.

нерафинированной стали (Международный стальной картель)¹, а год спустя (после трехлетних переговоров) подписали полноценный торговый договор. Впрочем, ни одну из «наступательных» задач, будь то пересмотр восточной границы или аншлюс Австрии, решить не удалось. Штресеман так и не сумел адаптировать немецкий ревизионизм к запросам Франции в сфере безопасности, связать воедино национальные интересы с европейской перспективой. О себе дал знать кризис республиканской парламентской системы, когда ни одна из партий рейхстага не желала брать ответственность за принятие непопулярных у электората решений и пересматривать привычные идеологические догмы. В итоге Штресеман оказался чуть ли не единственным государственным деятелем столь высокого ранга, способным интегрировать перспективу «другого» в свои политические взгляды, соединить идеализм с насущными интересами нации в целях преодоления европейских антагонизмов². И то, что совпали смерть министра и начало мирового финансово-экономического кризиса, имело, по мнению К.-Д. Брахера, весьма символическое значение [31, S. 392].

В начале 1930-х гг. у стран Запада возникли сомнения не только относительно «политики взаимопонимания», но и международной кооперации в целом. Желая преодолеть социальные и финансовые катаклизмы, ведущие мировые державы действовали разрозненно и нередко в ущерб интересам своих соседей и партнеров. Европа погрузилась в состояние раскола, который усиливался по мере утверждения на континенте авторитарных и тоталитарных режимов. Германия вела себя все более эгоцентрично, настойчиво требуя отмены репараций и военных ограничений, отвергая любые варианты территориального статус-кво. В условиях дезинтеграции ее политической системы и радикализации общества немецкий «национально-либеральный оборонительный ревизионизм» постепенно уступал место «бескомпромиссному ревизионизму», а внешняя политика страны трансформировалась в инструмент внутренней политики, становилась средством решения актуальных проблем за счет дипломатического триумфа [13, S. 650; 27, S. 486]. «Не проходило и дня, который бы не

указывал на зависимость от внешней политики конституционного развития... В каждом правительственном кризисе это проявлялось отчетливо», – пишет Х. Мёллер [10, с. 114].

Поворот к унилатеральной традиции в эпоху президиальных кабинетов (Г. Брюнинга, Ф. Папена, К. Шлейхера) означал на деле возврат к «международному кулачному праву»³. Как следствие, распалась характерная для «эры Штресемана» комбинация ревизионизма и мультилатерализма. Берлин стоял перед выбором: сохранять ли ориентацию на принципы коллективной безопасности, что предполагало отказ от пересмотра результатов Парижской мирной конференции, или бросить вызов Европе, отвергнув достигнутые ранее договоренности, и тем самым «повернуть колесо истории вспять» [32, S. 18]. В условиях, когда голоса в пользу ревизии раздавались все громче, победу праздновали сторонники наступательного (силового) варианта. Правительство Брюнинга (март 1930 г. – май 1932 г.)⁴ настаивало на ликвидации версальских ограничений, шантажируя западных партнеров выходом из Лиги Наций и прекращением репарационных выплат⁵. На этой почве внешняя политика Германии вступила в противоречие с политикой безопасности Парижа, торпедировавшего в 1931 г. совместно с Лондоном австро-германский таможенный союз⁶. У Берлина возникли трудности (политические, экономические) с продвижением собственных интересов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В целом, перестройка имперской внешней политики в духе форсированного ревизионизма в годы мирового кризиса отвечала запросам консервативно-реставративных сил – противников парламентской демократии и социального государства [7, S. 516–517]. О продолжении курса Штресемана речь

³ Нем. *Faustrecht* – форма решения споров силовыми методами, монопольное право на применение насилия. Одной из норм старогерманского права являлось право войны (нем. *Fehderecht*), которое в период позднего Средневековья трансформировалось в право самозащиты (нем. *Selbsthilfe*).

⁴ В принципе, у Брюнинга не было стратегической концепции; речь шла о кризисном менеджменте.

⁵ Следствием этого стала практически полная отмена репараций в июле 1932 г., а уже в декабре Германия добилась признания союзниками права на равенство в вооружениях.

⁶ Инициатором плана таможенного союза выступил глава МИД Ю. Куртиус. Обнародованный в марте 1931 г. без предварительной дипломатической подготовки, он сразу же вызвал у Парижа подозрение в подготовке аншлюса Австрии. Брюнинг выразил намерение реализовать его при любых обстоятельствах, но чуть позднее (в начале сентября) вынужден был оставить данную идею.

¹ При участии представителей тяжелой индустрии Германии, Франции, Бельгии, Саара и Люксембурга.

² О перспективе «другого» в политике Штресемана см. статью А. Рёддера [15].

больше не велась. Он так и не стал частью немецкой политической культуры. В своей основе его не принимала внешнеполитическая элита страны, без чего добиться благосклонности Франции не представлялось возможным. Германия, индикатором международных успехов которой в глазах общественности все явственнее становилось разрушение европейского баланса сил, быстро утрачивала доверие на Западе. Отныне немцы полагались на сильного лидера, способного вернуть стране величие и вывести ее из состояния финансово-экономической нужды. Как результат, «оголтелый антипарламентаризм слился с безудержным ревизионизмом», тесно примыкавшим к идеологии НСДАП [3, S. 1041].

Несомненно, ответственность за провал «политики взаимопонимания» несли на себе обе стороны – и победители, и побежденная Германия. Первые, оказавшись заложниками «недальновидного маневрирования» Франции, отрицали неизбежность ревизии и признания за Веймарской республикой статуса великой державы¹. В свою очередь, Берлин вернулся к традиционной политике силы, обретшей в сжатые сроки функциональный характер и ставшей инструментом реализации расово мотивированной пространственной доктрины. Ультранациональные тенденции в немецком обществе позволили А. Гитлеру в невиданном масштабе «извратить национализм», чему содействовали как репрезентанты кайзеровской Германии, так и внешнеполитические силы старой Европы. Страна быстро отдалялась от традиционной линии межгосударственных отношений, апеллируя к «божественной безисторичности Великогерманского рейха» [3, S. 1043, 1046]. Фюрер был твердым противником и Лиги Наций, и панъевропейского проекта. Его послание международному сообществу прозвучало четко и однозначно: «Германия будет мировой державой или перестанет существовать» [33, S. 36, 37]. В итоге традиционная «имперская идея» утрати-

ла первоначальный смысл, и все то, «что началось в духе реальной политики в эпоху Бисмарка, превратилось в преступление» [3, S. 1045].

Первая мировая война продемонстрировала одновременно силу и слабость Германии. Неспособная (и неготовая) встраиваться в действующую систему международных отношений страна оказалась на грани национальной катастрофы. И все же поражение не стало для нее фатальным, несмотря на территориальные потери (около 13 %) и дискриминационные условия мира. Веймарская республика продолжала существенным образом влиять на европейскую политику и к тому же располагала возможностями, которых не имела до войны. Вплоть до 1924 г. в арсенале германского МИД доминировали унилатеральные целевые установки, стратегии и методы, присущие традиционной *Realpolitik*, в то время как мультилатерализм не находил заметного отклика в среде правящей элиты, да и общества в целом, одержимых ревизией и возвращением на европейскую арену в статусе равновеликой Великобритании державы. Стратегический разворот в сторону взаимопонимания рейх совершил лишь в фазе относительной стабилизации, добившись частичной ревизии Версальского порядка. Впрочем, мультилатеральная договорная политика второй половины 1920-х гг. была не чем иным, как средством достижения известных с конца XIX в. целей. Со смертью Штрэземана и началом мирового экономического кризиса Берлин вполне ожидаемо восстановил унилатеральную традицию. Для преодоления ультранационалистических настроений в стране требовался политический консенсус, а таковой отсутствовал. Действуя в угодное общественному мнению, руководство Германии настойчиво желало решить внутренние проблемы за счет дипломатических успехов. Подобная тактика стала прологом бескомпромиссного курса нацистского режима, проповедующего безудержный ревизионизм, и, в конечном счете, обернулась национальной катастрофой.

¹ «Политика взаимопонимания нам далась нелегко, ее необходимо было завоевать, и эта борьба продолжается до сих пор не только у нас, но и у других народов», – говорил Штрэземан [28, S. 317]. См. также Krüger [7, S. 311, 462].

ЛИТЕРАТУРА

1. Epkenhans, M. Versailler Vertrag Eine Hypothek für die Zukunft? / M. Epkenhans // *Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*. – 2019. – Heft 1. – S. 4–9.

REFERENCES

1. Epkenhans, M. Versailler Vertrag Eine Hypothek für die Zukunft? / M. Epkenhans // *Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*. – 2019. – Heft 1. – S. 4–9.

2. *Hillgruber, A.* "Revisionismus" – Kontinuität und Wandel in der Außenpolitik der Weimarer Republik / A. Hillgruber // *Historische Zeitschrift.* – 1983. – Bd. 237, H. 3. – S. 596–621.
3. *Hildebrand, K.* Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
4. *Субботин, О. Г.* Концептуальные основы внешней политики Германской империи (1871–1918 гг.) / О. Г. Субботин // *Весті БДПУ, Серыя 2.* – 2018. – № 4. – С. 6–12.
5. *Субботин, О. Г.* Вальтер Шюкинг : ученый на службе мира / О. Г. Субботин // *Весті БДПУ, Серыя 2.* – 2019. – № 4. – С. 34–43.
6. *Kraus, H.-Ch.* Der Versailler Vertrag und die deutsche Außenpolitik 1919 bis 1933 / H.-Ch. Kraus // *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs.* – 2019. – 9. Jg., Heft 2. – S. 408–417.
7. *Krüger, P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar / P. Krüger. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1985. – 605 S.
8. *Kolb, E.* Die Weimarer Republik / E. Kolb. – München : R. Oldenbourg, 1993. – 309 S.
9. *Maxelon, M.-O.* Stresemann und Frankreich : Deutsche Politik der Ost-West-Balance / M.-O. Maxelon. – Düsseldorf : Droste, 1972. – 309 S.
10. *Meller, H.* Веймарская республика : Опыт одной незавершенной демократии / Х. Меллер, [пер. с нем. А. В. Дорониной]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 311 с.
11. *Павлов, Н. В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель : учеб. пособие / Н. В. Павлов. – М. : Международные отношения, 2012. – 800 с.
12. *Hirschfeld, G.* Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung / G. Hirschfeld // *Aus Politik und Zeitgeschichte ; hrsg. von der Bundeszentrale für Politische Bildung Bonn, 1953.* – 2004. – Bd. 29/30. S. 3–12.
13. *Prem, K. P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar / K. P. Prem // *Revue belge de Philologie et d'Histoire.* – 1986. – LXIV. – T. 64. – Fasc. 4. – P. 751–761.
14. Die Kabinette Wirth I/II ; Bd. 1 : Mai 1921 bis März 1922 (Erfüllungspolitik) [Electronic resource] // *Bundesarchiv.* – Mode of access: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/wir/wir1p/kap1_1/para2_2.html;jsessionid=DFA747EE260A768B23EC5294611687FF?highlight=true&search=Bauer&stemming=false&pnd=&start=&end=&field=all. – Date of access: 10.01.2021.
15. *Rödder, A.* Gustav Stresemann und die Perspektive der Anderen [Electronic resource] / A. Rödder // *Bundeszentrale für politische Bildung vom 27.04.2018.* – Mode of access: <https://www.bpb.de/apuz/268358/gustav-stresemann-und-die-perspektive-der-anderen>. – Date of access: 10.01.2021. – 5 S.
16. *Hellmann, G.* Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / *Handbuch zur deutschen Außenpolitik ; hrsgg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf.* – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.
17. *Grützmaker, Ch.* Partner wider Willen? Die Rahmenbedingungen der Frankreichpolitik von Gustav Stresemann und Konrad Adenauer / Ch. Grützmaker. – Hamburg : Diplomica Verlag, 2016. – 160 S.
18. *Субботин, О. Г.* Веймарский федерализм : монография / О. Г. Субботин. – Минск : БГПУ, 2010. – 272 с.
2. *Hillgruber, A.* "Revisionismus" – Kontinuität und Wandel in der Außenpolitik der Weimarer Republik / A. Hillgruber // *Historische Zeitschrift.* – 1983. – Bd. 237, H. 3. – S. 596–621.
3. *Hildebrand, K.* Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
4. *Subbotin, O. G.* Konceptual'nye osnovy vneshnej politiki Germanskoj imperii (1871–1918 gg.) / O. G. Subbotin // *Vesci BDPU, Seryya 2.* – 2018. – № 4. – С. 6–12.
5. *Subbotin, O. G.* Val'ter Shyuking : uchenyj na sluzhbe mira / O. G. Subbotin // *Vesci BDPU, Seryya 2.* – 2019. – № 4. – С. 34–43.
6. *Kraus, H.-Ch.* Der Versailler Vertrag und die deutsche Außenpolitik 1919 bis 1933 / H.-Ch. Kraus // *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs.* – 2019. – 9. Jg., Heft 2. – S. 408–417.
7. *Krüger, P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar / P. Krüger. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1985. – 605 S.
8. *Kolb, E.* Die Weimarer Republik / E. Kolb. – München : R. Oldenbourg, 1993. – 309 S.
9. *Maxelon, M.-O.* Stresemann und Frankreich : Deutsche Politik der Ost-West-Balance / M.-O. Maxelon. – Düsseldorf : Droste, 1972. – 309 S.
10. *Meller, H.* Vejmarskaya respublika : Opyt odnoj nezavershennoj demokratii / H. Meller, [per. s nem. A. V. Doronina]. – М. : ROSSPEN, 2010. – 311 s.
11. *Pavlov, N. V.* Istoriya vneshnej politiki Germanii. Ot Bismarka do Merkel' : ucheb. posobie / N. V. Pavlov. – М. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. – 800 s.
12. *Hirschfeld, G.* Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung / G. Hirschfeld // *Aus Politik und Zeitgeschichte ; hrsg. von der Bundeszentrale für Politische Bildung Bonn, 1953.* – 2004. – Bd. 29/30. S. 3–12.
13. *Prem, K. P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar / K. P. Prem // *Revue belge de Philologie et d'Histoire.* – 1986. – LXIV. – T. 64. – Fasc. 4. – P. 751–761.
14. Die Kabinette Wirth I/II ; Bd. 1 : Mai 1921 bis März 1922 (Erfüllungspolitik) [Electronic resource] // *Bundesarchiv.* – Mode of access: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/wir/wir1p/kap1_1/para2_2.html;jsessionid=DFA747EE260A768B23EC5294611687FF?highlight=true&search=Bauer&stemming=false&pnd=&start=&end=&field=all. – Date of access: 10.01.2021.
15. *Rödder, A.* Gustav Stresemann und die Perspektive der Anderen [Electronic resource] / A. Rödder // *Bundeszentrale für politische Bildung vom 27.04.2018.* – Mode of access: <https://www.bpb.de/apuz/268358/gustav-stresemann-und-die-perspektive-der-anderen>. – Date of access: 10.01.2021. – 5 S.
16. *Hellmann, G.* Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / *Handbuch zur deutschen Außenpolitik ; hrsgg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf.* – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.
17. *Grützmaker, Ch.* Partner wider Willen? Die Rahmenbedingungen der Frankreichpolitik von Gustav Stresemann und Konrad Adenauer / Ch. Grützmaker. – Hamburg : Diplomica Verlag, 2016. – 160 S.
18. *Subbotin, O. G.* Vejmarskij federalizm : monografiya / O. G. Subbotin. – Minsk : BGPU, 2010. – 272 s.

19. *Stresemann, G.* Vermächtnis : der Nachlass in drei Bänden / G. Stresemann ; hrsgg. von H. Bernhard. – Bd. 3: Von Thoiry bis zum Ausklang. – Berlin : Ullstein, 1933. – 608 S.
20. Rede vor der deutschen Presse in Genf vom 17.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 259–260.
21. Rede vor Journalisten in Genf vom 22.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 274–278.
22. Rede vor Vertretern der englischen Presse in Genf vom 14.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 244–249.
23. *Hildebrand, K.* Das deutsche Reich und die Sowjetunion im internationalen System 1918–1932 : Legitimität oder Revolution? / K. Hildebrand // Frankfurter historische Vorträge , H. 4. – Wiesbaden : Steiner, 1977. – 40 S.
24. Rede in der Sitzung des Zentralvorstandes der DVP in Berlin vom 22.11.1925 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1925.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 378–429.
25. Reichstagsrede vom 18.05.1925 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1925.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 159–201.
26. *Megerle, K.* Ansatz zu aktivem Revisionismus / K. Megerle. – Bern [u.a.] : Lang, 1974. – 307 S.
27. *Graig, G. A.* Deutsche Geschichte 1866–1945 : vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.
28. Rede auf dem Parteitag der DVP in Köln vom 2.10.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 314–337.
29. *Knipping, F.* Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928–1931 : Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise / F. Knipping. – München : De Gruyter Oldenbourg, 1987 [Reprint 2014]. – 268 S.
30. Reichstagsrede vom 23.11.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 366–383.
31. *Bracher, K. D.* Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte : 10 Bde. ; hrsgg. von G. Mann. – Bd. 9 : Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.
32. *Graml, H.* Europas Weg in den Krieg : Hitler und die Mächte 1939 / H. Graml. – München : R. Oldenbourg, 1990. – 315 S.
33. *Bloch, Ch.* Das Dritte Reich und die Welt : die deutsche Außenpolitik 1933–1945 / Ch. Bloch ; [Aus dem Franz. übertr. von K.H. Sieber]. – Paderborn [u. a.] : Ferdinand Schöningh, 1992. – 445 S.
19. *Stresemann, G.* Vermächtnis : der Nachlass in drei Bänden / G. Stresemann ; hrsgg. von H. Bernhard. – Bd. 3: Von Thoiry bis zum Ausklang. – Berlin : Ullstein, 1933. – 608 S.
20. Rede vor der deutschen Presse in Genf vom 17.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 259–260.
21. Rede vor Journalisten in Genf vom 22.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 274–278.
22. Rede vor Vertretern der englischen Presse in Genf vom 14.09.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 244–249.
23. *Hildebrand, K.* Das deutsche Reich und die Sowjetunion im internationalen System 1918–1932 : Legitimität oder Revolution? / K. Hildebrand // Frankfurter historische Vorträge , H. 4. – Wiesbaden : Steiner, 1977. – 40 S.
24. Rede in der Sitzung des Zentralvorstandes der DVP in Berlin vom 22.11.1925 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1925.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 378–429.
25. Reichstagsrede vom 18.05.1925 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1925.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 159–201.
26. *Megerle, K.* Ansatz zu aktivem Revisionismus / K. Megerle. – Bern [u.a.] : Lang, 1974. – 307 S.
27. *Graig, G. A.* Deutsche Geschichte 1866–1945 : vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.
28. Rede auf dem Parteitag der DVP in Köln vom 2.10.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 314–337.
29. *Knipping, F.* Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ära 1928–1931 : Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise / F. Knipping. – München : De Gruyter Oldenbourg, 1987 [Reprint 2014]. – 268 S.
30. Reichstagsrede vom 23.11.1926 // Gustav Stresemann. Reden ; hrsgg. u. bearb. von W. Elz [Electronic resource]. – Code of access: https://neuestegesichte.uni-mainz.de/files/2018/07/Text_1926.pdf. – Date of access: 17.01.2021. – S. 366–383.
31. *Bracher, K. D.* Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte : 10 Bde. ; hrsgg. von G. Mann. – Bd. 9 : Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.
32. *Graml, H.* Europas Weg in den Krieg : Hitler und die Mächte 1939 / H. Graml. – München : R. Oldenbourg, 1990. – 315 S.
33. *Bloch, Ch.* Das Dritte Reich und die Welt : die deutsche Außenpolitik 1933–1945 / Ch. Bloch ; [Aus dem Franz. übertr. von K.H. Sieber]. – Paderborn [u. a.] : Ferdinand Schöningh, 1992. – 445 S.